

-Р

аймонд Вольдемарович, как прошел ваш юбилейный год?

— Этот год у меня какой-то черный. Попал в полосу неудач. Сначала сожгли мою дачу в Юрмале. Красиво там было — я почти все своими руками сделал. Следующий удар — лопнул банк. Сгорели почти все мои сбережения. Еле оправился от потрясения. И у сестры Эдиты сплошные неприятности...

— А помнится, в советские времена вы считались чуть ли не главным миллионером Союза. Вас шантажировали, грозились убить...

— Было дело. Потом выяснилось, что этот террорист — настоящий маньяк. До этого он уже убил двоих. Я тогда сразу же заявил в милицию. Несмотря на то что в письме под угрозой смерти требовали не делать этого. Мне выдали пакет. В нем вместо денег было специальное устройство, которое обливало открывающего несмываемой краской. Когда я шел на встречу, в окна стояли снайперы. Преступника арестовали, судили и, как мне потом говорили, отправили на урановые разработки. Что, по сути, равносильно смертной казни... Не скрою, было страшно. Но только через два дня я по-настоящему узнал, что такое нервы: меня начало колот по всему телу как иголками — пришлось даже лечь в больницу...

А сейчас — ну какие миллионы! Если раньше с огромной территории Союза я получал неплохие авторские, то теперь эта система практически разрушилась. Тут недавно звонит мне посол Латвии в России гн Петерс: «Раймонд, дай мне доверенность, там тебе деньги в Москве причитаются — аж 30 миллионов рублей!» Я обалдел... Для меня сейчас это неплохие деньги.

— Поэт Илья Резник вспоминал, что когда вы только познакомились, то об улыбке не было и речи: долгое время достаточно холодно обращались к нему на «вы».

— Это у меня стиль такой — я со всеми подолгу не могу перейти на «ты». Иногда даже со старыми знакомыми. Вовсе не из-за неуважения...

В какой-то степени мое недоверие можно объяснить и тем, что до того времени я никогда не писал музыку на русские тексты. Но понимал, что пробыть на всесоюзную сцену можно только с ними. Сначала мы пытались делать переводы. Но тут и гонорар не тот, и менталитет другой. В Латвии популярны простота и незатейливость, русских же тянет на минорные романсы. Поэтому мы с Резником решили, что про-

ЛИЦО НЕДЕЛИ



РАЙМОНД ПАУЛС

12 января маэстро Паулсу — 60.
И хоть Москву он своими визитами не балует,
на родине творит весьма и весьма активно.
Не так давно подготовил новую программу
для Лаймы Вайкуле, запустил в театре первый латышский
музикл «Дикие лебеди»... Кроме того, расслабиться
не позволяет должность советника президента Латвии
по культуре. А теперь еще
прибавились хлопоты по подготовке к юбилею.

ще писать новые тексты. И дело пошло на лад...

— А какие варианты ваших песен больше нравятся — латышские или русские?

— Язык неважен. Главное, чтобы их хорошо встречали слушатели. Вот был недавно на концерте Аллы Пугачевой в Риге и с удовольствием убедился, что старинные часы еще идут...

— А помните ли вы первую встречу с Аллой Борисовной?

— Это было на каком-то эстрадном конкурсе в Москве... Алла — а тогда она была как заноза для официальной музыки — только третье место получила. А латышей вообще турнули подальше. Что нас очень обидело. Ведь из Латвии приехали далеко не самые плохие музыканты. А там одна дамочка играла на гуслях — она и стала лауреатом. Мне повезло: я встретился с Аллой как музыкант с музыкантом. И я это произношу как самый высший комплимент!

— А приходилось ли вам в те времена выступать на правительственных концертах, партийных тусовках?

— И не раз. Самый страшный концерт в моей жизни состоялся на приеме в честь какого-то съезда КПСС. Тогда я впервые в жизни с отчетливой ясностью почувствовал, что моя игра никому не нужна. Там были накрыты столы на несколько тысяч человек. Все жрали и пили. А мы играли где-то в углу. Единственный человек из всего Политбюро, который нас слушал, это был Андропов... Почему я пошел туда играть? Все очень просто — нам пообещали звания народных артистов СССР.

— И дали?

— Сразу нет. А позже дали.

-С **кажете, Раймонд Вольдемарович, были ли в вашей жизни моменты, которых вы сейчас стесняетесь?**

— В мой богемный период было много такого, о чем сейчас даже вспоминать стыдно. И единственное слабое оправдание — то, что водка была виновата. Но я думаю, что вряд ли найдется человек, у которого бы не было ошибок молодости. К тому же в моей жизни гораздо больше моментов, которыми я мог бы гордиться. Если бы умел.

— Многие не верят, что вы в один прекрасный день раз и навсегда завязали с водкой и бросили курить. Ваш друг поэт Янис Петерс связывает решительность вашего характера с тем, что в вас течет сербская кровь...



— Не знаю точно насчет сербской, но из кровей у меня такой коктейль! Все народы, что когда-либо по Латвии прошли: немцы, поляки, русские, шведы, да мало ли кто еще!

А вот завязать с вредными привычками было не так уж просто. Пришлось собрать в кулак всю свою волю, все свое желание стать человеком и не опуститься на дно. В моей компании молодых музыкантов и художников (на уровне сброда) отказ от выпивки считался чуть ли не жеманством... Помню, мне врач тогда сказал, что полное воздержание сильно ударит по нервам, но иначе нельзя. И был прав. Очень мне помогла Лана. Не люблю говорить комплименты, но думаю, что вряд ли нашлась бы другая жена, которая выдержала бы мой «пьяный» период.

— Несомненно, множество хороших женщин пытались вас соблазнить. Как вы к этому относитесь?

— К кому как. Но я очень редко считал увлечение собой искренним. В моем характере есть такая неприятная черта: я все время опасаюсь подвоха, того, что меня могут поставить в неловкое положение. Какая уж тут романтика!

Да и возраст у меня такой — каждый шаг надо соизмерять. Хотя в смысле дам этот возраст очень опасен. Знаю немало мужчин за шестьдесят, которые женились на

молоденьких. И погорели на этом. Да подойди ты к зеркалу и посмотри: кому ты нужен, кроме своей жены! Да и ей не всегда... Все это знают, но хочется верить в любовь, а не в обман, верить в то, что всех обведут вокруг пальца, но только не тебя. Это маразм.

-А

как же Лана умудрилась соблазнить такого перестраховщика?

— Ну, Лана — это молодость. Судьба. Она меня заарканала. До сих пор не могу понять, зачем мне надо было ехать в эту Одессу (Лана — одесситка) с какой-то паршивой рижской халтурной бригадой!

— Как получилось, что ваша дочь Аннета живет в Санкт-Петербурге?

— Ее муж — датчанин. Работает в авиакомпании SAS. Познакомилась Аннета с Мареком в Риге. На приеме, устроенном мною в министерстве культуры. Откуда же я мог знать, чем этот вечер закончится? Из Риги зятя перевели в Вильнюс, а недавно предложили на выбор — Осаку или Санкт-Петербург.

— Не скучновато вам сейчас вдвоем, без дочери и внуков?

— И да и нет. Лето они всегда проводят у нас. За месяц иногда так доведут, что думаешь: скорей бы уехали! Вот старшая внучка приехала недавно на один день, и в моем домашнем кабинете через час от идеального порядка не осталось и вос-

поминания — книжки, игрушки везде разбросаны. Смотрели мы тут как-то американский фильм. Вижу, начинают раздеваться, дело идет к постели... Говорю ей: давай, мол, дуй отсюда. А она отошла к двери, повернулась и заявила: да я этот фильм уже в Вильнюсе видела.

— А вы где проводите отпуск? На Кипре?

— Я никуда не езжу. За границей уже через неделю становлюсь нервным. Да и что мне там делать? По магазинам не хожу. Ну, музей посетил, ну, город обозрел... Я ведь там чужой. Обычно отдыхаю дома, на своей даче.

— Дача благоустроенная?

— Долгое время я так думал. Пока как-то не отправился на другой берег озера. Там такие «домики»! Четыре этажа из красного кирпича, на каждом — по две ванные комнаты, по два туалета, один унитаз обязательно подогреваемый. Из одной ванной вид обязательно на озеро. По сравнению с этим моя дача — огородная будка! Один из этих домов принадлежит человеку, с которым мы вместе росли, — шпана шпаной был! А сейчас спрашивает: не помочь ли тебе, Раймонд, с деньгами? И помогает. Вот, к примеру, на юбилейный концерт мне надо пригласить играть 40—50 музыкантов и каждому заплатить хотя бы 60 — 100 долларов. Где их взять?... На мою зарплату советника президента — 350 долларов в месяц — не распоешься особенно.

-В аш юбилей, понятное дело, — праздник государственного масштаба. А как вы отмечаете обычный день рождения?

— В семейном кругу. Так уж повелось еще от родителей. Они свой день рождения никогда за праздник не считали, а наши и вовсе не помнили. Я вот недавно отцу сообщаю — надо готовиться, мол, к юбилею, а он удивляется...

— Вы человек достаточно замкнутый. Есть ли у вас друзья, которым вы полностью доверяете?

— Если откровенно, то нет. Есть люди, которым я верю, но друзьями их не назовешь. Как правило, они не имеют никакого отношения к моей сфере. Ведь понятно, что ни один артист, художник или композитор другому правду в глаза не скажет...

— А вы не пробовали завести собаку?

— Ни за что! В свое время мы очень тяжело пережили смерть Арчибальда. Этот французский бульдог жил у нас десять лет и был больше, чем член семьи. Добрый, игривый. Он вытворял все что хотел: например, спал между мной и женой и всю ночь пугал. Ужас! Но никому даже в голову не приходило его прогнать. Ну как можно завести другого?.. Да вообще, времени сейчас на собаку нет, деньги надо зарабатывать.

Эдуард Говорушко, Кристина Худенко



СРЕДА. РТР. 23.55